

ПОСЛѢДНІЙ ИЗЪ РОДСТВЕННИКОВЪ ЮАННЫ Д'АРКЪ.

Въ Лондонѣ, въ прошломъ 1836 году, умеръ нѣкто г. Дюлисъ (Jean-François - Philippe Dulys), потомокъ роднаго брата Юанны д'Аркъ, славной Орлеанской дѣвственницы. Г. Дюлисъ переселился въ Англію въ началѣ Французской революціи; онъ былъ женатъ на Англичанкѣ и не оставилъ по себѣ дѣтей. По своей духовной назначилъ онъ по себѣ наследникомъ родственника жены своей, Джемса Белли, книгопродавца Эдимбургскаго. Между его бумагами найдены подлинныя грамоты королей Карла VII, Генриха III, и Людовика XIII, подтверждающія дворянство роду господъ д'Аркъ Дюлисъ (d'Arce Dulys). Всѣ сіи грамоты проданы были съ публичнаго торгу, за весьма дорогую цѣну, такъ же какъ и любопытный автографъ: письмо Вольтера къ отцу покойнаго г. Дюлиса.

По видимому Дюлисъ, отецъ, былъ добрый дворянинъ, мало занимавшійся литературою. Однакожъ около 1767 года дошло до него, что нѣкто mr. de Voltaire издалъ какое-то сочиненіе объ Орлеанской

героинѣ. Книга продавалась очень дорого. Г. Дюлисъ рѣшился однакожъ ее купить, полагая найти въ ней достовѣрную исторію славной своей прабабки. Онъ былъ изумленъ самымъ неприятнымъ образомъ, когда получилъ маленькую книжку in-18, напечатанную въ Голландіи и украшенную удивительными картинками. Въ первомъ пылу негодованія написалъ онъ Вольтеру слѣдующее письмо, съ котораго копія найдена также между бумагами покойника. (Письмо сіе также какъ и отвѣтъ Вольтера, напечатано въ журналъ *Morning Chronicle*).

Милостивый Государь,

Недавно имѣлъ я случай приобрѣсти за шесть луидоровъ, написанную вами исторію осады Орлеана въ 1429 году. Это сочиненіе преисполнено не только грубыхъ ошибокъ, непростительныхъ для человѣка, знающаго сколько нибудъ исторію Франціи, но еще и нелѣпою клеветою касательно короля Карла VII, Иоанны д'Аркъ по прозванію Орлеанской дѣвственницы, Агнесы Сорель, господъ Латримумля, Лагира, Бордикура и другихъ благородныхъ и знатныхъ особъ. Изъ приложенныхъ копій съ достовѣрныхъ грамотъ, которыя хранятся у меня въ замкѣ моемъ (*Touguebu, baillage de Chaumont en Tourgaîne*) вы ясно увидите, что Иоанна д'Аркъ была родная сестра Лукъ д'Аркъ дю Ферону (*Lucas d'Arc seigneur du Feron*), отъ котораго происхожу по прямой линіи. А по сему, не только я полагаю себя въ правѣ, но даже и ставлю себя

въ непремѣнную обязанность требовать отъ васъ удовлетворенія за дерзкія, злостныя и лживыя показанія, которыя вы себѣ дозволили напечатать касательно вышеупомянутой дѣвственницы. И такъ прошу васъ, милостивый государь, дать мнѣ знать о мѣстѣ и времени, также и объ оружіи, вами избираемомъ для немедленнаго окончанія сего дѣла.

Честь имѣю и проч.

Не смотря на смѣшную сторону этого дѣла, Вольтеръ принялъ его не въ шутку. Онъ испугался шуму, который могъ бы изъ того произойти, а можетъ быть и шнаги щекотливаго дворянина, и тотчасъ прислалъ слѣдующій отвѣтъ:

22 *Мая* 1767.

Милостивый Государь,

Письмо, которымъ вы меня удостоили, застало меня въ постели, съ которой не схожу вотъ уже около осьми мѣсяцевъ. Кажется, вы не изволите знать, что я бѣдный старикъ, удрученный болѣзнями и горестями, а не одинъ изъ тѣхъ храбрыхъ рыцарей, отъ которыхъ вы произошли. Могу васъ увѣрить что я никакимъ образомъ не участвовалъ въ составленіи глупой рѣмованной хроники (*Impertinente chronique rimée*), о которой изволите мнѣ писать. Европа наводнена печатными глупостями, которыя публика великодушно мнѣ приписы-

ваетъ. Лѣтъ сорокъ тому назадъ случилось мнѣ напечатать поэму подъ заглавіемъ Генріяда. Изчисляя въ ней геросвъ, прославившихъ Францію, взялъ я на себя смѣлость обратиться къ знаменитой вашей родственницѣ (*votre illustre cousine*) съ слѣдующими словами:-

— Et toi, brave Amazone,
La honte des Anglois et le soutien du trône.

Вотъ единственное мѣсто въ моихъ сочиненіяхъ, гдѣ упомянуто о безсмертной героинѣ, которая спасла Францію. Жалѣю, что я не посвятилъ слабаго своего таланта, на прославленіе Божіихъ чудесъ, вмѣсто того, чтобы трудиться для удовольствія публики безсмысленной и неблагодарной.

Честь имѣю быть,
милостивый государь,
вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

Voltaire
gentilhomme de la chambre du Roy.

Англійскій журналистъ по поводу напечатанія сей переписки, дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія:

«Судьба Іоанны д'Аркъ въ отношеніи къ ея отчеству по истинѣ достойна изумленія: мы конечно должны раздѣлить съ Французами стыдъ ея суда и казни. Но варварство Англичанъ можетъ еще быть извинено предразсудками вѣка, ожесточеніемъ оскорбленной народной гордости, которая искренно

приписала дѣйствию нечистой силы подвиги юной пастушки. Спрашивается, чѣмъ извинить малодушную неблагодарность Французовъ? Конечно не страхомъ дьявола, котораго изстари не боялись. По крайней мѣрѣ мы хоть что нибудь да сдѣлали для памяти славной дѣвы; нашъ Лауреатъ посвятилъ ей первые дѣвственные порывы своего (еще не купленного) вдохновенія. Англія дала пристанище послѣднему изъ ея сродниковъ; какъ-же Франція постаралась загладить кровавое пятно, замаравшее самую меланхолическую страницу ея хроники? Правда, дворянство дано было родственникамъ Іоанны д'Аркъ; но ихъ потомство пресмыкалось въ неизвѣстности. Ни одного д'Арка или Дюлиса не видно при дворѣ Французскихъ королей отъ Карла VII до самаго Карла X. Новѣйшая исторія не представляетъ предмета болѣе трогательнаго, болѣе поэтическаго, жизни и смерти Орлеанской героини; что-же сдѣлалъ изъ того Вольтеръ, сей достойный представитель своего народа? Разъ въ жизни случилось ему быть истинно поэтомъ, и вотъ на что онъ употребляетъ вдохновеніе! Онъ сатаническимъ дыханіемъ раздуваетъ искры, тлѣвшія въ пеплѣ мученическаго костра, и какъ пьяный дикарь пляшетъ около своего потѣшнаго огня. Онъ какъ Римскій палачъ присовокупляетъ поруганіе къ смертнымъ мученіямъ дѣвы. Поэма Лауреата не стоитъ конечно поэмы Вольтера въ отношеніи силы вымысла; но творенія Соуте есть подвигъ честнаго челоѣка и плодъ благороднаго восторга. Замѣтимъ, что Вольтеръ, окруженный во Франціи врагами и завистни-

ками, на каждомъ своемъ шагу подвергавшійся самымъ ядовитымъ порицаніямъ, почти не нашелъ обвинителей, когда явилась его преступная поэма. Самые ожесточенные враги его были обезоружены. Всѣ съ восторгомъ приняли книгу, въ которой презрѣніе ко всему, что почитается священнымъ для человѣка и гражданина доведено до послѣдней степени кинизма. Никто не вздумалъ заступиться за честь своего отечества, и вызовъ добраго и честнаго Дюлиса, еслибы сталъ тогда извѣстенъ, возбудилъ бы неистощимый хохотъ не только въ философическихъ гостиныхъ барона д'Ольбаха и М-те Jeoffrin, но и въ старинныхъ залахъ потомковъ Лагира и Латримуля. «Жалкій вѣкъ! Жалкій народъ!»

А. Пушкинъ,

